

Юрий Колкер
БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ

...Ты спрашиваешь, как можно отвернуться от родной дочери, — а я тебя спрошу, на кого мы с тобою жизнь положили, кого вырастили в трудах и нужде? Ведь она либо непроходимо глупа, либо — при всей её доброте и отзывчивости — напрочь лишена совести. Мы ребёнком вывезли её из Совдепии, спасая от большевистской лжи, — и что получаем? Она — вся в этой лжи, она в глаза мне с пафосом говорит, что чёрное — это белое, что рабство — это свобода! Её способность мыслить не идёт дальше лозунгов двухсотлетней давности, дальше блаженной памяти Роберта Оуэна! И она — выпускница британского университета... Ради кого мы себя не жалели? Проклятая Совдепия — в нашей семье!

Никогда я не вызывал нашу дочь на разговоры политические или социальные, она сама лезла ко мне со своими глупостями. Чорт меня дёрнул рассказать ей про Ипатию Александрийскую (о которой она, понятно, не слыхала). Тут взорвалась первая бомба: философия и математика потому созданы мужчинами, что женщин туда не пускали! Женщина, оказывается, веками была угнетена мужчиной (хоть сама этого не сознавала), оттого-то среди женщин редки математики, физики, мыслители и художники. Говоришь ей: женщина самой природой ориентирована на другое творчество, — не слышит! Требуешь полного равенства. Не может понять, что полное равенство означало бы отказ от деторождения, аннигиляцию человечества, Армагеддон почище ядерной войны.

Но это — цветочки. В тот памятный вечер разговор пошёл крупнее. Где-то за океаном полицейский случайно убил нарушителя закона. Полицейский случайно оказался белым, нарушитель закона — чёрным, хотя могло быть и наоборот. Чёрнь белая и чёрная взбеленилась, начались погромы под расистским лозунгом «Жизни черных — важнее»... да-да, этот лозунг именно так переводится, ведь смысловый порядок слов в русской и английской фразах обратный. Прямой и неприкрытый смысл лозунга тот, что негры важнее белых, жёлтых и всех прочих людей, составляющих, как не поверни, большую часть человечества. Этот лозунг — наглый и подлый расизм для всех, кто способен думать.

И что же сказала в связи с этим наша дочь? Лозунг этот не расистский, он антирасистский! Чёрные, оказывается, по сей день повсюду угнетены белыми; полиция и другие органы демократических стран поражены расизмом; разрушая памятники и грабя магазины, чёрнокожие борются за свои права! (Погромы она объясняет тем, что к мирным демонстрантам примазываются бандиты.)

Говорю ей: расизм в цивилизованном мире преследуется законом, а суд независим; расизм повсеместно осуждён обществом, притом с перехлёстом; маятник давно качнулся в другую сторону: при поступлении в университет или на работу чёрные давно уже имеют перед белыми преимущество при равных показателях пригодности, — всё это документировано.

Почему же, спрашивает она с иронической улыбкой, чёрные беднее белых?

Тут мы добираемся до вершины спора.

В свободном мире, говорю я, люди равны перед профессией. Трудолюбивый профессионал, не успев состариться, из нищего становится зажиточным или богатым, а профессиональные школы открыты всем. Лучший пример — беженцы из Совдепии, приехавшие в США без английского языка, с четырьмя чемоданами и детьми-подростками, которых они через десять лет посылали учиться в самые дорогие университеты. Нужно только не лениться и уметь работать. Нигде в мире нет кварталов белой бедноты, где бы люди поколениями жили на пособии, зато есть чёрные кварталы, где никто никогда не работал, но процветает преступность.

Ага, кричит она мне в ответ, ты — с нацистами: есть высшие расы и есть низшие расы! Для тебя чёрные глупее белых! Ты — расист!

Расизм, пытаюсь объяснить я, подразумевает не критический взгляд на расы, а расовую ненависть. Нацисты потому нацисты, что они уничтожали людей другой расы. Немыслимо отрицать различие между народами, расами и племенами. Никто никогда и не думал отрицать этого — из тех, кто способен думать, конечно. Современная цивилизация в эмбрионе создана крохотным племенем аттических ионийцев, талантливейшим из народов, когда-либо живших на земле. Они догадались отделить мысль от алтаря, мудрость — от священнодействия. Философия, математика, физика, биология (Аристотель, при всём его универсализме, был в первую очередь биологом), история, театр, светская литература — всё от них. А рядом что? Дорийцы, тоже греки, дали миру с гулькин нос: только коринфский архитектурный ордер, хотя Коринф был богаче и многолюднее

Афин. Из Спарты мы получили примеры неслыханного героизма, неслыханной жестокости да горсточку остроумных изречений, но ни одной идеи.

То же и в современности. Негры (я, конечно, говорил всюду не *чёрные*, а *негры*; что это слово по-русски совершенно законно, наша дочь с зубовным скрежетом приняла), — негры, как давно установлено наукой, гораздо богаче белых генетически. Любое крохотное африканское племя своим генетическим пулом перекрывает всех белых, жёлтых и краснокожих планеты вместе взятых. Генетически — негры высшая раса по отношению к белым. В них заложен невероятный потенциал. Но это пока что только потенциал. Будет ли он реализован, никто не знает. Исторически — белые пока что высшая раса по отношению к неграм. Когда в пятнадцатом веке белые пришли в Западную Африку и начали её эксплуатировать, а затем жестоко покорять и поработать, у тамошних свободных африканцев даже письменности не было, не то что истории или Парфенона, зато было людоедство. Никто не работал. Климат и природное изобилие не требовали от людей работы в европейском смысле слова, и люди сформировались другие. Белые европейцы не только грабили и поработали чёрных, белые принесли в Африку все культурные представления, все элементы цивилизации. История чёрной Африки началась с приходом белых. Белые покоряли и поработали потому, что были сильнее, — и никому в голову не приходило это осуждать. Порабощение слабых тысячелетиями, с первых шагов человеческой истории, было мировой нормой; империализм осуждён только в двадцатом веке. До пятнадцатого века, до эпохи Васко да Гамы, в чёрной Африке не было ничего из того, что в наши дни требуется каждому негру.

Культуры, кричит мне наша дочь, все равноценны. Нет высших и низших культур, есть разные культуры, — ты отстал от жизни!

Нет, возражаю ей я, — ты отстала от жизни. Ты изрекаешь лозунги, притом устаревшие, а жизнь меняется, и люди ни на минуту не прекращают думать. Лозунг о равноценности культур смехотворен. Создатели земледелия и пирамид на берегах Нила, тоже африканцы, были высшей расой по отношению к кочевникам-бедуинам, их соседям через Красное море. Потом положение изменилось: спустя тысячелетия арабы в культурном отношении превзошли не только угасших древних египтян, но и средневековых европейцев. Ни на минуту между этими соперничающими расами и народами не было культурного равенства, всегда были передовые и отстающие. То же и в наши дни. Чехарда культур не прекратилась, народы арабской культуры в наши дни отстают от народов европейской культуры.

Но я больше скажу: лозунг о равноценности культур — расистский. Да-да, именно так. Он исходит из положения, что каждый человек представляет собою свою расу или свой народ, а не себя самого. Между тем в каждом народе люди бывают разные. Гордиться принадлежностью к народу — тоже лозунг, притом пустоватый; с таким же успехом ты можешь гордиться тем, что родилась в среду. Наугад выбранный якут может оказаться умнее и образованнее наугад выбранного француза, но вклад французского народа в мировую сокровищницу культуры пока что несопоставимо больше вклада народа якутского. Якута, не выжившего из ума, не помешавшегося на национализме и расизме хуже нацистов, этот несомненный факт обидеть не может.

Что дали миру негры за пять поколений своей полной раскрепощённости? Эстрадную музыку, которая не всем по душе, очень многие предпочитают Моцарта и Баха, да фантастические успехи в спорте, которых никто не оспаривает. Среди негров нет математиков, физиков, экономистов или архитекторов мирового масштаба. Сравним их на минуту с евреями из черты оседлости в начале двадцатого века. Эти беженцы приезжали в США оборванцами, знали только Тору и Талмуд, не понимали ни языка, ни культурных установок американцев — но уже в следующем поколении мы видим среди них нобелевских лауреатов... а чемпионов мира по боксу — нет, не видим. Народы и культуры, кто бы спорил, — разные, но *Страсти по Матфею* Баха человечеству дороже тамтама, а мраморный Давид Микеланджело или Аполлон Бельведерский — дороже самой искусной африканской резьбы по дереву.

Мне, отвечает наша с тобою дочь, стыдно, что мой отец — расист!

Мне, отвечаю я, стыдно, что моя дочь неспособна думать! Такой вот обмен мнениями произошёл...

Будь она способна воспринимать доводы, я бы, с понятной оговоркой, взял на себя обвинение в расизме. Расизм как предпочтение — неискореним. Он исчезнет, когда исчезнут расы, не раньше. Я расист, потому что женился на белой, а не на негритянке, и никогда не дружил с неграми. За всю мою долгую жизнь у меня не нашлось с неграми ничего общего: ни интересов, ни вкусов. Между прочим, и с индусами у меня нет ни дружбы, ни общности — но я ведь при этом помню, что индусы, тоже почти что чернокожие, с первых шагов истории были в культурном отношении высшей расой по отношению к соседним народам, что они, опережая белых европейцев,

век за веком поставляют миру гениев в области искусства и мысли, что теорему Пифагора они знали до халдеев, не то что до Пифагора, взявшего её в Египте. Человек волен любить блондинок и не любить брюнеток. Предпочтение — не оскорбление, не преступление. С лёгким сердцем беру на себя обвинение в таком расизме без ненависти. Мне нравятся белые люди, а негры — не нравятся. Не нравятся черты лица большинства людей африканского происхождения и — да-да, соберёмся с духом! — цвет их кожи мне тоже не нравится. Но в этом нет ни дюйма наступления на общественные права негров. В споре между двумя людьми я отдам предпочтение тому, кто прав, а не тому, кто мне нравится. Так же точно поступает и закон, когда он закон.

Расизм как недоверие — тоже неискореним. Американская полиция, в которой рядом с белыми служат негры, китайцы, индусы, не имеет расистской установки против негров, утверждать такое — дело бессовестное, — но поскольку преступность среди негров выше, чем среди белых, то полицейский-негр поневоле смотрит на любого встречного негра с бóльшим подозрением, чем на белого.

Если б наша дочь могла вести спор, задумываясь над словами собеседника... Но где там! Она — на стороне униженных и оскорблённых. Она — за справедливость, за равенство. Ей в голову нейдёт, что справедливость и равенство в человеческом обществе в принципе недостижимы, что они — маска зависти.

Разве нормальный человек не жаждет равенства мужчин и женщин, белых и черных? Мы все — двумя руками за равенство. Но не мешает помнить, что это — тропинка над пропастью. Без равенства работает на уничтожение вида *homo sapiens*, требует от нас признать, что все люди равны не только перед законом, но и в смысле своего ума и таланта. Тут двигатель жажды равенства — зависть — выступает особенно наглядно. Бездарный физик (мой свояк Б. Р., например) говорит: я не хуже Эйнштейна — и своим каменным топором опровергает теорию относительности; специалисты смеются, а чернь ликует. Бездарный художник говорит: я не хуже Леонардо, я просто другой, требует, чтобы его мазню признали шедевром... и получает место в галерее имени Тэйта для холста, на котором наляпано слоновье дерьмо — как символ расизма белых по отношению к неграм (его зовут Кристофер Офили: бессмертное имя!).... Это у них называется политической корректностью!

Между прочим, отцом политической корректности в её теперешней уродливой форме является не кто-нибудь, а Николай Гумилёв. В 1921 году, на заседании Цеха поэтов в Петрограде, он сказал буквально следующее: «Глупость донныне была в загоне, поэты ею несправедливо гнушались. Однако пора ей иметь свой голос в литературе. Глупость — такое же естественное человеческое свойство, как ум» (цитирую по воспоминаниям другого поэта, Владислава Ходасевича).

Будь наша дочь поумнее, можно было бы порассуждать о том, что думающие люди почему-то озабочены в основном судьбой США, страны, спору нет, во многом самой передовой в наши дни, однако не единственной поборницы цивилизации. Экономическое, политическое и военное возвышение США — дело недавнее. Мировая норма веками задавалась в Европе. Погибает не США, погибает (если верны худшие из прогнозов) — человечество. Мы расчеловечиваемся. Впечатление такое, что вид *homo sapiens* вплотную подошёл к пределу своих биологических возможностей, сам себе больше не нужен, перерождается. Даст ли перерождение один новый вид взамен людей или два (или несколько) — вот, по-моему, самый интересный вопрос. (Впечатление такое, что будет два вида: высший и низший, да-да.) Но мы, живущие нынче, ответа на этот вопрос не получим. Даже того мы не можем предугадать, будет ли новый вид биологическим, частично биологическим или вовсе не-биологическим. Эстафета информации, какою до сих пор всегда была и по сей день является биологическая жизнь, вот-вот станет возможна без участия двойной спирали ДНК. Главным фактором биологической эволюции давно стал сгусток информации: творческая мысль, и вот этот-то сгусток может, судя по всему, начать жить сам по себе, отбросив нашу жалкую плоть за полной ненадобностью. Человека может заменить робот, теплокровный или обходящийся вообще без крови и клеток.

...А началось всё с борьбы за права угнетённых, с защиты униженных и оскорблённых, с благородных лозунгов. Даже в нацистском реваншизме было зерно правды, было требование восстановления справедливости, — потому что победившая Антанта обобрала побеждённую кайзеровскую Германию самым бесстыдным образом. О большевиках и говорить нечего: в их лозунгах видим одно благородство, ни тени человеконенавистничества нацистов. И что в итоге? Газовые камеры и сибирские концлагеря.

Я рассказал о ссоре с дочерью Алле Г., и знаешь, что она мне ответила? — «Они теперь все такие: с промытыми мозгами. Раньше люди хоть поэзию читали...»

Иначе говоря — *Brave New World* уже тут!

...Ты говоришь мне о человеческих достоинствах нашей дочери: она добра и отзывчива, внимательна к нам, не скупа и не жадна, помогает нам в нашей немощи, помогает вообще всем, кому плохо (среди её подружек, ты помнишь, одна в инвалидном кресле), любит животных, ведёт бесплатные курсы вязания, участвует в благотворительности, хорошо ладит с детьми и вообще с людьми. Более того: она как личность — чужда зависти, уродующей наш мир. Я тоже всё это вижу. Но полшага в сторону культуры и мысли — и между нами Флегетон. Как случилось, что у неглупых родителей, всегда живших в обществе людей мысли, чтения, интеллектуальных споров, — выросла дочь, довольствующаяся лозунгами и переупрощёнными схемами? И ведь ей не двадцать, ей под пятьдесят. Ничего не могу с собою поделать: вижу с горечью, что в основном моя дочь мне чужая. Она добра, верно; но это простота, которая хуже воровства. Она с теми, кто работают против человечества, на его прямое уничтожение. Проклятая Совдепия опять стоит у нашего порога, будто мы никуда и не уехали...

...Я разболтался, прости. Что нам с тобою до человечества, когда мы «на роковой стоим очереди»? Из мира, ставшего тюрьмой, есть выход. Повторяю слова Жуковского: «С какою радостью я буду умирать!»

22.08.20

Лондон